Клуб
Алисия
Иллюзий
со вкусом
Лжи
Измен
Можно ли верить тому, что видишь?
Можно ли верить самому себе?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кролики, выпрыгивающие из маленькой черной шляпки, игральные карты, превращающиеся в голубей… Все это иллюзия, которую ты делаешь реальной на красном бархате цирковой арены. Я прихожу каждый вечер пятницы, чтобы увидеть твою улыбку, твои алые губы, чтобы погрузиться в иллюзии, которые ты создаешь, чтобы однажды в них раствориться.

- Алисия Клэр
  ○

Алисия Клэр
Алые губы со вкусом иллюзий

Здание цирка было круглым, как греческий амфитеатр и таким же шумным. Конечно, нельзя сказать наверняка, было ли шумно в греческом амфитеатре много веков назад, но я думаю, что там было очень шумно. Когда людям обещают какое-то невероятное зрелище, то шум нарастает в их душе подобно волне цунами, катится в желудок, поднимается вверх и вырывается изо рта. Наверное, крики — обычная реакция на что-то прекрасное и поразительное. По крайней мере, я редко видел в цирке молчащих людей. А уж я-то часто ходил в цирк.

Я приходил к круглому зданию цирка каждую пятницу ровно к восьми часам вечера, когда начиналось представление. Я ловко пробирался сквозь плотную толпу, уже привыкнув к толчкам локтями и не обращая на них внимания. До меня часто доносились крики из толпы о том, что кто-то купит билеты с рук по двойной цене, но я лишь усмехался. Я бы не отдал свои билеты даже за сундук с сокровищами, ведь пятничное представление стоило куда дороже — это было истинное волшебство, его неразбавленная эссенция, что самыми прекрасными ароматами разливается в воздухе, опьяняя всех, кто сделает один лишь вдох. Но некоторые люди продавали билеты и зарабатывали на этом. Я был убежден, что они либо умалишенные, либо покупали билеты именно для того, чтобы продать и ни разу не были на представлении. Какой бы ни была причина, в обоих случаях мне было их искренне жаль и я даже не могу сказать, в каком случае я жалел этих людей больше.

Если перед входом в цирк была толпа, то в помещении казалось, что воздуха просто нет, есть лишь люди, люди, люди… Они толпились везде. Воздух пропитывался запахом пота, одежды, еды, он пропитывался людьми, их простыми и такими привычными запахами. Вместе с толпой я двигался по направлению к залу, где уже с минуты на минуту должно было начаться представление. Я даже не пытался вырваться из плотных тисков чужих тел, шел, окруженный людьми и думал об этих людях.

Обычно мои мысли занимало лишь представление, но в эти несколько минут, что я двигался по узким проходам вместе с толпой людей, они врывались в мое сознание, как что-то настолько будничное, что на него не стоит обращать внимание и что-то настолько невероятное, что не обратить внимания было

невозможно. Люди, люди, люди… Они волновали меня лишь в эти минуты, в остальное время своей жизни я шел по тротуарам, опустив голову, спрятав нос под теплым шарфом, совершенно не обращая внимания на то, что было вокруг меня, в том числе и на людей. Мне совершенно не было дела до них, до их мыслей, веры, идей, грез, надежд, но в эти минуты в цирке мне нестерпимо хотелось заглянуть в мысли каждого идущего рядом человека.

Что бы я там увидел, если бы действительно смог заглянуть, прожечь взглядом одежду и тело, оказавшись в тайных чертогах души? Мне не хочется знать ответ на этот вопрос, по крайней мере, сейчас. Куда приятней представлять, пытаться угадать, воображать, что догадка верна… На самом деле мне было бы страшно, если бы я сумел раздеть человека полностью, сняв с него бренный покров. Что если душа бы не засветилась, словно рой светлячков, а осыпалась бы безжизненным прахом, сквозь мои пальцы? Знание, сокрытое от людей должно быть сокрыто. Не каждая закрытая дверь таит за собою красоту и счастье, поэтому ни у кого не найдется набора ключей от всех дверей на земле.

Но вот минуты подходят к концу. Яркие цвета цирка врываются в толпу, словно ураган. Свет разноцветных прожекторов зажигает улыбки на лицах людей, которые до того хмуро толкались, стараясь поскорее проникнуть в зал. Но вот он, зал, и мне кажется, что это не мы входим в него, а он входит в нас, разрывая все, что было раньше на мелкие кусочки, тем самым позволяя наслаждаться этим мгновением, этим коротким «сейчас», не вспоминая ни о чем, что могло бы расстроить этот миг счастья.

Первая половина представления вызывает на моем лице лишь легкую улыбку. Я уже в точности знаю каждый номер, как будто я сам исполняю его уже много лет. Акробаты сменяют клоунов, дрессировщики сменяют акробатов, чтобы их вновь сменили клоуны. Это напоминало мне круговорот жизни, в котором все уходит, чтобы когда-нибудь вернуться. Эдакое колесо, которое рано или поздно прикатится обратно.

Во время этой части представления я позволял себе предаваться разным мыслям, обдумывать происходящее на цирковой арене. Я позволял себе плавать по поверхности бесконечно глубокого озера волшебства, но как только на арену выходила ты, я тонул в озере под гром аплодисментов, которые стихали лишь тогда, когда я достигал дна и пальцами прикасался к мягкому белому песку, когда на твоем лице появлялась лучезарная улыбка, озаряющая цирк ничуть не хуже прожектора.

Ты всегда заставляла огни гореть ярче, сердца биться быстрее, улыбки становиться шире, звуки делаться громче… Ты

заставляла весь мир быть лучше, красочнее, волшебнее. Одно легкое движение твоей руки заставляло всех зрителей замереть в предвкушении нового чуда — кролика из маленькой шляпки на твоей голове, разноцветных платочков из узкого рукава твоей белой рубашки. Но даже когда ты не двигалась, а лишь улыбалась, все смотрели на тебя, боясь моргнуть. Казалось, что ты можешь сотворить какое-то волшебство буквально за секунду и стоит моргнуть, как оно улетучится светло-розовым дымком, словно детская мечта, которую так никогда и не удалось поймать за хвост.

Я знал все номера, что показывали в цирке этим вечером. Мне казалось, что я могу выйти на арену и самостоятельно повторить каждый трюк, настолько хорошо мне все запомнилось. Но тебя я не знал совершенно. Каждый раз ты менялась, ты всегда была разной. Да, ты начинала представление с простых фокусов, таких, как кролик из шляпы, но каждый вечер ты выполняла этот трюк словно бы заново, не заученными движениями, а с блеском в глазах, как будто ты и сама не могла поверить в волшебство, которое делали твои руки. Мне кажется, что именно такими должны быть настоящие фокусники — они должны не только удивлять зрителей, но и удивлять самих себя. Если самому поверить в волшебство, то и окружающие в него поверят — это непреложная истина.

Вытащив из рукава не меньше сотни маленьких разноцветных платочков, похожих на бабочек или юрких птичек колибри, ты улыбаешься. Вообще ты улыбаешься на протяжении всего представления, но в некоторые моменты твоя улыбка становится такой же волшебной, как и белый кролик из шляпы. Ты улыбаешься всем зрителям, но иногда мне кажется, что ты улыбаешься именно мне, и я уверен, что каждому зрителю в этот момент кажется то же самое. Ты словно знаменитая Джоконда даришь улыбку всем, но при этом каждому в отдельности. Мне всегда казалось, что ты не воспринимаешь зрителей, как толпу, а видишь каждого из людей и любишь каждого из них, как старого знакомого.

После простых фокусов ты переходишь уже к более сложным или, как сказал бы я, более непонятным зрителю и, тем самым, более впечатляющим. Над ареной летали карты, превращающиеся в белых голубей, ты сама взмывала в воздух подхваченная двумя голубями, что ворковали свои волшебные песни тебе на ухо. Возможно, они рассказывали тебе какие-то секреты мироздания или учили новому волшебству? Кто знает. Некоторые тайны навек остаются тайнами.

Каждый вечер пятницы ты обязательно вызывала на сцену

зрителей. Это было твоим ритуалом, который ты еще ни разу не нарушила. Сначала ты приглашала присоединиться к тебе на красном бархате арены пятерых детишек. Их лица светились беззубыми улыбками, а ручки дрожали от предвкушения прикосновения к таинствам волшебства. Ты создавала для них плюшевых мишек прямо из воздуха, и я был уверен, что после окончания представления они не растают у них в руках, не испарятся в воздухе кислым, мокрым туманом, а еще надолго останутся их верными друзьями. Твое волшебство было настоящим, ты дарила людям намного больше того, за что они заплатили, покупая билет. Ты дарила им счастье, волшебство, друзей и воспоминания. Пожалуй, самым важным было последнее.

Следом за детьми ты вызывала на сцену пять женщин самого разного возраста. Ты звала их по очереди, а не всех вместе, как до того поступала с детьми. Это было правильно, ведь взрослые люди любят некоторую самостоятельность, обособленность. Каждой женщине ты шептала что-то на ушко и повязывала на руку маленький шелковый платочек нежно-розового, словно лепестки цвета вишни, окраса. Ты не рассказывала залу о том, что за слова шептала этим женщинам, но я был уверен, что это нечто волшебное. Потому что на их лицах расцветали широкие улыбки.

Последними на арену выходили мужчины, которых, в отличие от женщин и детей было шестеро. Опять же ты вызывала их на сцену по очереди и каждому давала выпить бокал вина. По крайней мере, мне казалось, что это было вино, но оно наверняка было волшебным, потому что жидкость в прозрачном бокале искрилась, словно в нее насыпали бриллиантовую крошку или влили солнечного света. Опять же, ты не раскрывала своих секретов, и никто из сидящих в зале, даже не догадывался какое же волшебство ты творила. Но мужчины уходили с точно такой же сияющей улыбкой, как и женщины. Правда, улыбкам зрителей было далеко до твоей улыбки. Мне вообще казалось, что в мире нет улыбки, что смогла бы затмить твою, настолько ярко она сияла.

Последним зрителем, которого ты вызывала на сцену, всегда был я. Каждую пятницу, без исключений, ты вызывала меня на сцену под громкие хлопки счастливых зрителей. Я замечал, что на меня внимательно смотрят, пока я спускаюсь по лестнице между рядами, и я думал, что некоторые зрители тут тоже не впервые и им не нравится, что я каждый раз выхожу на сцену. Я подумал, что мне тоже было бы обидно, если меня бы ни разу не вызвали на сцену, а какого-то юношу в дешевом костюме приглашали на красный бархат каждый раз. Вообще, когда ты

вызвала меня на сцену впервые, я решил, что это невероятная удача, когда это случилось во второй раз, то я подумал, что, возможно, ты меня забыла и случайно вызвала вновь на сцену, но и в третий вечер пятницы я спускался на дрожащих ногах к тебе, и в четвертый. Что уж таиться — я решил, что ты влюбилась в меня. Такие мысли с моей стороны были слишком смелыми, но каждому хоть иногда нужно представить, что несбыточная мечта вдруг обратилась реальностью, ведь я влюбился в тебя в самый первый вечер, когда твоя улыбка затмила свет софитов, а для меня и свет солнца.

Ты едва заметным движением пальца подзываешь меня к себе, будто говоря, что мне нечего бояться, но я и так не боюсь. Я больше всего на свете жажду того момента, когда окажусь рядом с тобой, когда вдохну аромат твоих волос, в котором можно различить нотки грейпфрута и ванили, когда увижу вблизи блеск твоих ярко-алых губ. Я просто хочу стоять рядом с тобой всю свою жизнь, многие годы, а быть может, даже века, но никак не пару минут, которые сопровождаются бурными овациями.

Мои ноги дрожат, пока я спускаюсь по ступенькам, считая их про себя. Мне немного стыдно, что я так волнуюсь, ведь обычно я таким не бываю, но как только я пытаюсь вспомнить о том, какой я в обычные дни, когда не нахожусь на представлении, то все мысли из головы словно бы испаряются. Сейчас я живу только этими представлениями и все остальное для меня просто утратило ценность. Где-то в далеких закоулках памяти, похожих на пустынные городские улицы, по которым ветер носит вчерашние газеты, у меня пылятся воспоминания об учебе, работе, семье. Я помню лицо мамы, но его черты причудливо смешиваются в моем сознании с чертами твоего лица. Я помню, что учусь сейчас в музыкальной консерватории и играю на скрипке, но все мелодии перерастают в громкие овации, стоит лишь мне о них подумать. Я помню, что мне нужно подготовиться к экзамену, написать небольшую сонату для фортепиано, к написанию которой я еще даже не приступал. Я помню, конечно, я все помню, но сейчас это не имеет для меня значения. Сейчас, когда моя нога коснулась красного бархата арены, когда мне осталось сделать лишь несколько шагов, чтобы приблизиться к тебе, вся моя жизнь мне кажется иллюзией, ничего не значащей иллюзией.

Ты нежно берешь меня за руку и выводишь на самую середину арены. Ты что-то говоришь зрителям, изящно указывая на меня рукой. Я замечаю, что твои ногти коротко подстрижены и покрашены ярко-алым, как и твоя помада, лаком. Но я совершенно не слышу твоих слов, как будто я нахожусь в

стеклянном кубе, что позволяет видеть, но не пропускает звука. В моих ушах не переставая гремят аплодисменты и мне кажется, что тем, кто выходил на сцену ранее, не аплодировали так громко, но сейчас я не могу положиться на свои воспоминания, потому что стою рядом с тобой. Я перестаю думать о чем либо и любуюсь тобой. Я вижу, как двигаются твои губы, и даже слышу слова, что срываются с них, словно белые голуби, но я не вдумываюсь в то, что они означают. Я лишь слушаю твой голос, его интонации, переливы. Если бы у твоего голоса был запах, то он бы пах корицей, ванилью, ментолом, опавшими листьями и страницами старой книги. Если бы у твоего голоса был вкус, то он напоминал бы пирожные с ореховым кремом и кофе, приправленный кардамоном. Я смотрю на твои губы и пытаюсь представить, какие же они на вкус. Пахнут они наверняка вишней, такой спелой и темной, глубокого бардового оттенка вишней, сок которой растекается по языку божественным нектаром. А вот их вкус… Он для меня остается загадкой. Стоит мне только представить что-нибудь, как сразу же мне это кажется слишком банальным предположением. Я уверен, что у твоих губ необычный вкус.

Пока я погружен в свои мысли ты все время говоришь о чем-то. Но разговариваешь ты не со мной, а со зрительным залом. Я замечаю, что на лицах зрителей замерло восторженное выражение. Аплодисменты затихают лишь тогда, когда ты говоришь, чтобы вновь вспыхнуть, как бенгальский огонь, спустя минуту.

Меня охватывает некоторое подобие волнения, потому что я не совсем понимаю, что происходит. Я смутно припоминаю, что каждая пятница проходит именно так, каждый раз я немного сбит с толку поведением публики, но потом я обо все этом забываю. И сейчас мне хочется выкинуть всяческие мысли из головы и думать лишь о тебе, в конце концов, только ты являешься для меня важной частью мироздания, а все остальное лишь мелочь.

Я рассматриваю черты твоего лица. Кожа белая, но я даже в мыслях не могу допустить ее сравнения с фарфором или мрамором, ведь, несмотря на бледность, твоя кожа излучает тепло, я бы сравнил ее с нежным безе. Глаза твои похожи на горячий шоколад, в который плеснули немного солнечного света, а волосы напоминают темный гречишный мед. Я усмехаюсь, поймав себя на том, что сравниваю тебя со сладостями. Наверное, это потому, что ты действительно похожу на конфету — нежная карамелька в яркой обертке.

Ты замолкаешь и кланяешься публике, вновь изящно указав на меня рукой. Я замираю, не зная, что делать, и восхищаюсь

твоими движениями. Неожиданно я понимаю, что просто должен поговорить с тобой после выступления. Я удивляюсь, что эта мысль не посещала меня раньше, ведь неделя, которую я проживал в ожидании следующего выступления, скрашивалась лишь воспоминаниями о тебе. Я грезил тобою, я видел твое лицо на клавишах фортепиано, я слышал твой голос в каждой мелодии… Мне хочется разозлиться на себя за глупость, но я настолько счастлив, что прощаю себе ошибки прошлого, ошибки, которые тяжелее всего простить.

Ты показываешь мне рукой, что я могу возвращаться на свое место, и я улыбаюсь тебе в ответ. Я надеялся, что ты что-нибудь шепнешь мне на ухо, но нет, ты секунду смотришь на меня, и я вижу в твоих шоколадных глазах легкое смятение или беспокойство, мне сложно описать то чувство, что промелькнуло в твоем взгляде. А затем ты, как ни в чем не бывало, поворачиваешься к публике и улыбаешься своими алыми губами, заставляя померкнуть софиты и даже солнце. Ты кланяешься зрителям и уходишь со сцены.

Я замираю на лестнице, не дойдя до своего места, и вспоминаю, что ты закрываешь это представление, поэтому я резко поворачиваюсь и бегу вниз, пока люди, на лицах которых еще играла счастливая улыбка, не успели встать со своих мест.

Я успел выйти из цирка до того, как шумная толпа нагнала меня в узких проходах. Мое сердце билось вдвое быстрей, чем обычно, пока я стоял чуть сбоку от цирка и смотрел, как довольные люди покидают здание. Дети даже пританцовывали от радости. Мне казалось, что и взрослые не прочь спрыгнуть со ступенек с радостным смехом, но возраст им этого не позволял, и они чинно спускались, тихо обсуждая представление. Сколь много ограничений накладывает реальный мир. Под крышей цирка любой взрослый смеялся громко, как ребенок и улыбался так же искренне, а стоит только выйти на серый асфальт улиц, как все вспоминают о возрасте и положении в обществе — смехотворных отговорках, которые не позволяют делать того, чего хочется более всего на свете.

Дождавшись, пока толпа рассеялась, я присел на ступеньки. Все мои мысли словно бы упорхнули из головы, как напуганные птички. Я знал только одно — скоро ты выйдешь из цирка, чтобы направиться домой, и я должен тебя дождаться, чего бы мне это не стоило. Я был готов просидеть на холодных серых ступенях час, два часа, всю ночь, лишь бы увидеть твое лицо, твои алые губы. Я напоминал себе маленькую пылинку, потерявшуюся в бесконечности вселенной. Мне казалось, что с каждой секундой я немного растворяюсь, превращаясь в звездный свет. Я глянул на

свою руку, и мне действительно показалось, что она стала чуть бледнее. В первый момент я вздрогнул, словно желтый осенний лист, испугавшийся ветерка, забирающего его в последний путь, но потом тихонько рассмеялся. Если бы можно было так просто исчезнуть с земли, лишь пожелав этого, то людей на планете было бы намного меньше. Но мне совершенно не хотелось исчезать, по крайней мере, пока я не увижу тебя.

Я поднял глаза вверх и посмотрел на звезды. Представление начиналось, когда сумерки едва-едва касались асфальта, а заканчивалось, когда на небе уже горели звезды, и по дорогам текла вязкая темнота, пахнущая фонарями, горьким шоколадом, медовыми пряниками, горячим чаем и имбирем. Мне казалось, что если долго смотреть вверх на небо, то постепенно оно утянет тебя вверх, засосет, словно огромная труба.

Тишину нарушил тихий стук каблуков по ступеням. Я боялся оторвать взгляд от неба, ведь если это окажешься не ты, то мне не избежать разочарования. А если это ты… Я даже не знал, что мне сказать тебе, как начать разговор. Не могу же я сразу сказать, что влюблен в тебя — это было бы крайней нелепицей и показало бы меня, как человека не тактичного и глупого. Но что сказать, что сказать? Просто «добрый вечер» или, быть может, «привет»? Но ты настолько особенная, что мне не хотелось начинать разговор со столь банальной фразы. Для особенных людей нужно подбирать особенные слова. Но какое же слово будет таким же особенным, как и ты?

— Сидишь? — твой тихий голос произнес это слово прямо возле меня. Я вздрогнул и обернулся. Ты сидела рядом со мной на ступенях, а я, погруженный в свои мысли, даже этого не заметил.

— Сижу, — кивнул я.

Ты улыбнулась. Оказалось, что в реальной жизни твоя улыбка совершенно не такая, как на сцене. Она не затмевает свет солнца, она скорее напоминает звездный свет. Твои губы немного приподнимаются, не обнажая при этом зубов, но в лице остается какая-то грусть, почти неуловимая, похожая на крохотное облачко, закрывшее солнце на несколько секунд. Тень от такого облака почти не заметна, но если любишь солнце, то непременно ее почувствуешь. Я любил тебя больше всего на свете.

— Знаешь о теории, что человеческий разум безграничен? — неожиданно спросила ты.

Я мог лишь неуверенно кивнуть, потому что совершенно не ожидал такого вопроса. Я бы, пожалуй, поговорил о погоде или о красоте звездного неба, а ты заговорила о возможностях человеческого разума. Это было странно, но благодаря твоим

словам, я еще больше уверился в том, что ты необычный человек.

— Я с детства верила в то, что могу сделать все, чего захочу, — ты говорила медленно, но неожиданно слова полились из тебя бурным потоком, словно горная река. — Я верила, что нужно лишь представить что-то и этого можно достичь. Я стерла для себя все границы, потому что все они иллюзорны. Каждый сам создает границы, в которых живет, а я хотела жить свободно, чтобы можно было махать крыльями, не боясь упереться в бетонную стену или запутаться в колючей проволоке. Фокусы я начала осваивать еще в детстве. Мама подарила мне черную мантию, расшитую серебряными звездами и в тот момент я поняла, что эта мантия, словно договор, подписанный кровью, навек связала меня с цирком. К окончанию школы я самостоятельно освоила уже множество трюков, которыми зарабатывала себе карманные деньги на улицах. Люди с удовольствием кидали монеты в мою шляпу, чтобы увидеть волшебство. Конечно же, я с легкостью поступила в цирковое училище. Я была лучшей на курсе, и все преподаватели прочили мне великое будущее. Они многому научили меня, но мне было мало этого. Я хотела творить такие иллюзии, которые никто не мог бы повторить. Любой фокус основывается на ловкости рук, на умении поражать людей, удивлять их, удивляясь самостоятельно. Самое ужасное для фокусника — перестать удивляться. Но для меня с каждым разом становилось все сложнее удивляться банальным фокусам, которые может с легкостью провернуть каждый из моих сокурсников. Я жаждала нового уровня, новых знаний, я устала топтаться на первой ступеньке высокой лестницы, что зовется иллюзией. И я пошла вверх. Я не буду говорить о том, как освоила новые уровни иллюзии, которые требуют не ловкости рук, а невероятной концентрации мыслей. В конце концов, это все еще мои профессиональные секреты, которые позволяют мне зарабатывать на жизнь, хотя именно из-за этих новых знаний я совершила то, чего не должна была делать, — ты вздохнула так горько, что мне захотелось обнять тебя, но я не смог. К своему ужасу, я просто не мог пошевелиться, словно бы я окаменел за те пару минут, что ты говорила.

Все, что я еще мог делать, так это двигать головой и говорить. Я был так рад, что могу хотя бы говорить с тобой, но я был в крайнем смятении, так как не мог понять причины своего странного состояния.

— Я создала иллюзию, которую не мог создать ни один фокусник до меня, — ты посмотрела на меня, и в глазах твоих я увидел безграничную тоску и печаль. На представлении твои глаза напомнили мне горячий шоколад, а сейчас они скорее были

похожи на холодные и прекрасные драгоценные камни. — Я создала тебя. Ты — концентрация моих мыслей, ты — мое отражение. Ты никогда не задумывался над тем, что живешь лишь от представления до представления? Конечно, у тебя есть что-то вроде воспоминаний о жизни, но они расплывчаты, словно бы подернуты туманной дымкой.

Я вздрогнул и со страхом посмотрел на тебя. Зачем ты говоришь об этом? Зачем ты придумываешь какую-то ерунду, когда я люблю тебя? Но где-то глубоко внутри, в тех самых чертогах души, в которые я никогда не осмелился бы заглянуть, боясь увязнуть в вязкой жиже своих собственных, — а возможно даже не своих, — мыслей, я почувствовал, что ты говоришь правду. Я попытался вспомнить своих родителей, но лицо отца расплывалось неясными чертами, а черты лица матери причудливо сливались с твоими. Я попытался вспомнить, как же выгляжу я, но понял, что не знаю своего лица так же, как не знаю лица отца. Может быть, это потому, что меня и не существует вовсе? Потому что я — иллюзия, творение величайшего фокусника? Я попытался прогнать эти мысли прочь, но они гремели в моей голове подобно набату. Мне так хотелось закричать, что это не правда, что ты лжешь мне, но вместо этого, вместо всех тех слов, что сейчас вертелись у меня на языке, желая сорваться с него потоком клокочущего пламени, я тихо прошептал:

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — тихо ответила ты, чем немало меня удивила. — Я поняла это сегодня вечером. Раньше у тебя возникали подобные мысли, но они исчезали, стоило мне лишь уйти со сцены. Ты был вроде и живым, но в то же время мыслил ты куда меньше обычного человека. Я могла контролировать тебя и твои мысли. А в последнее время я стала замечать, что ты становишься другим, что ты преображаешься в истинного человека. Сегодня я поняла, что пора положить этому конец. Я слишком далеко зашла в своих играх в великого фокусника. Никто не должен играть с жизнями, никто не должен уметь создавать силою мысли людей, — по твоей щеке стекла одинокая слезинка.

— Но я люблю тебя, — вновь прошептал я, потому что я просто не знал, что еще могу сказать. Эти слова стали для меня всем, что осталось в мире настоящего. Эти слова были подобны твердому камню, который простоит еще многие века. «Я тебя люблю» — это было всем, за что я мог ухватиться, растворяясь в этой ночи. А я действительно растворялся. То, что я счел простой игрой света, оказалось правдой. Моя кожа уже так побледнела, что я мог видеть сквозь себя ступени цирка. Серые, безликие

ступени, на которых мне суждено окончить свою жизнь.

— Я понимаю и знаю это, но ты никогда не сможешь существовать без меня, понимаешь? У тебя никогда не будет твоей жизни, поэтому я должна прекратить все это, — твой голос был полон решимости, он утратил запах ванили, теперь в нем чувствовался соленый аромат морских волн и горечь крепкого черного кофе.

— Я и не хочу существовать без тебя, — прошептал я. — Я мечтаю прожить всю жизнь с тобой рядом.

— Зато я не хочу этого, — ты посмотрела прямо на меня, и твой взгляд ранил меня, словно стальной клинок. — Я не хочу жить вместе с тобой. У меня есть моя жизнь, к которой я должна вернуться, а для этого мне надо избавиться от иллюзий, от всей той липкой паутины иллюзий, что я наплела вокруг себя, возомнив себя всемогущей.

Ты встала со ступенек, и я заметил, что к тебе подошел, быстро спустившись по ступеням, юноша с темными, словно сама ночь, волосами. Он был одет в черный костюм, так что казалось, что стоит ему захотеть, и он растворится в ночи, подобно видению. Он улыбнулся тебе и протянул руку, как джентльмен, приглашающий на танец леди. Ты кивнула и вложила в его ладонь свою маленькую ручку с ярко-алыми ногтями. Он не обратил на меня ровным счетом никакого внимания, словно бы меня и не было. Ты тоже. Вы пошли по улице, и ваши силуэты освещал свет фонаря. Я увидел, как он нежно поцеловал тебя, а ты даже не оглянулась, чтобы попрощаться со мной. Вскоре вы растворились во тьме — мужчина в черном костюме и девушка в белом платье в красный горошек, а я так и остался сидеть на ступенях, глядя тебе вслед. Мне казалось, что там, где ступала твоя нога, по серому асфальту протянулась цепочка бледно-серебряного света, похожая на лунную дорожку на поверхности воды.

Невольно я вновь задумался о том, какой же вкус у твоих губ. Я завидовал тому юноше в костюме, потому что он мог не гадать об этом, а просто поцеловать тебя, чтобы узнать. Мне же приходилось вспоминать все самые прекрасные вкусы на земле, но ни один, даже самый изысканный вкус не подходил к твоим губам, становясь простым и блеклым на их фоне. Догадка поразила меня неожиданно, словно молния среди ясного неба. Именно так обычно и появляются гениальные мысли — они, словно падающая звезда, неожиданно срываются с небесной темноты и падают в раскрытые ладони жидким светом, что озаряет все вокруг своим сиянием. У твоих алых губ был вкус иллюзий. У них не было вкуса вовсе, но одновременно он и был.

Вкус твоих губ был иллюзорен, как и ты сама.

Я посмотрел наверх, на звездное небо. Сейчас я действительно почувствовал, что вижу его в последний раз. У меня не было больше причин не верить тебе. Тот камень, который я считал вечным, крошился в моих руках, превращаясь в прах, потому что нет ничего вечного на земле. Я чувствовал себя иллюзией, обманом настолько реальным, что я сам умудрился когда-то в себя поверить. Наверное, каждый человек иногда чувствует себя иллюзией и растворяется в воздухе, чтобы вновь собраться и продолжить идти по натянутой струне жизни, создавая свою собственную мелодию, но я растворялся, чтобы навсегда исчезнуть.

Я почувствовал, что звездное небо тянет меня в свои объятия, засасывает меня, словно огромная труба. На этот раз чувства меня не обманывали, и я действительно растворялся в звездном свете, чтобы отпустить тебя, но никогда не забывать, чтобы утром остатки иллюзии, которая была когда-то мной, растаяли в солнечном свете, а на двери цирка появилась табличка: «Представлений Анжелы Блендверк в этом сезоне больше будет».